

Андрей
Курков

НОЧНОЙ
МОЛОЧНИК

Роман

Харьков
«Фолио»
2007

Киевская область. Макаровский район. Село Липовка

На зимнем небе скучал обделенный вниманием людей Млечный Путь. Ночь была удивительно тиха, ни одна собака не гавкнула, словно всех их приспало низкое звездное небо. Только Ирина всю ночь не спала, слушала свою заболевшую с вечера грудь. Лежала тихонько и слушала свою боль, но никого беспокоить не хотела и с кровати не поднималась, чтобы та своим скрипом Ясю не пробудила. А поднялась, как обычно, в начале пятого утра. Вскипятила воду в чайнике. Размешала в литровой банке молочную смесь «Малыш» и оставила ее на горячей крышке негромко гудевшего старенького котла в маленькой бойлерной комнатке, с потолка которой доносился сладкий запах уже высохших детских одежек и марлечек, вывешенных туда для просушки прошлым вечером.

Перед тем как выйти из дома, Ира поцеловала свою трехмесячную дочурку, сладко спавшую в углу их уютной спальни, прямо под иконкой Николая Угодника. Потом зашла к матери, прошептала ей: «Я пойду уже!», на что мать кивнула, потом протянула руку к тумбочке, на которой стояла настольная лампа.

Выйдя со двора, Ирина оглянулась на свой родной дом — аккуратный, кирпичный, одноэтажный, построенный собственноручно недавно умершим от болезни печени отцом. В одном из четырех фасадных окошек загорелся неяркий свет. Иринина мама, кряхтя и бормоча что-то себе под нос,

заглядывала под железную кровать в поисках своих стоптанных тапочек. Панцирная сетка потрескивала, но ничего этого Ирине уже не было ни слышно, ни видно.

Поначалу они топили дом дровами, и ей, маленькой, страшно нравилось наблюдать за седым дымком, уходящим в вечернее небо. Но когда поставили котел, отец разобрал печку. В доме стало просторнее, но труба на крыше замолчала. Вот и сейчас, темным зимним утром, домику так не доставало этого дымка, уходящего в небо!

Снег скрипел под ногами. Ирина спешила к дороге, чтобы не опоздать на первую «киевскую» маршрутку, в которой все друг друга знают, и все знают водителя Васю, и все знают, что от него ушла жена. Ушла к их соседу-сварщику, который баптист и вообще не пьет.

Теплые желтые круги фар маршрутки показались на дороге, как только Ира остановилась. Маршрутка притормозила. Для этого Ире даже руку не пришлось поднимать.

А внутри было тепло и тихо. Охранник какой-то киевской стройки Петр Сергеевич просто спал, уронив голову на плечо. Остальные сидели в полудреме. Ира кивнула попутчикам, тем из них, кто поднял на нее все еще сонный взгляд, и присела у двери. Грудь по-прежнему болела, но Ира старалась не обращать на нее никакого внимания.

Через часик маршрутка высадит их всех возле метро «Житомирская», и она будет дожидаться первого поезда, чтобы ехать дальше, туда, где ее ждут и где ей платят.

2

Киев. Зимняя ночь

Есть истории, которые начинаются однажды и никогда не заканчиваются. Просто не могут закончиться. Потому, что своим началом они порождают десятки отдельных исто-

рий, и у каждой — свое продолжение. Это как удар камешка по лобовому стеклу автомобиля, от которого во все стороны трещинки, и от каждого ухаба на дороге то одна трещинка удлинится, то другая. Вот и эта история началась зимней ночью и продолжается по сей день. Но сейчас нам известно только ее начало. Дело было ночью, в Киеве, на углу Стрелецкой и Ярослава Вала, совсем рядом с отелем «Рэддисон», на том самом углу, где кто-то неизвестный до сих пор оставляет на ночь свой розовый «хаммер». Собственно, все и началось в узеньком проходе между припаркованным частично на тротуаре «хаммером» и стенкой углового кафе, открявшегося не так давно, может, с год назад.

По Ярославу Валу со стороны Золотых ворот к этому углу шел в странном состоянии аптекарь и заядлый грибник Эдуард Иванович Зарвазин. Он был одет по-осеннему, в длинный плащ и шляпу, а на его ногах поблескивали в свете ночных фонарей лакированные ботинки. Да! Дело было ночью и к тому же не осенью, а довольно глубокой зимой, в середине января. И в том же свете тех же ночных фонарей блестело все, но прежде всего снег и лед. Зарвазин шел неспешно, словно и не было у него никакой особенной цели, кроме как прогуляться спокойной зимней киевской ночью по безлюдным, радующим глаз своей неподвижностью улицам центра.

А в это время по Стрелецкой улице в сторону Ярослава Вала довольно спешной, нервной походкой приближалась молодая тридцатилетняя женщина, о которой к моменту происшествия ничего известно не было. Она была в длинной, но легкой лисьей шубке, купленной ей уже забытым к сегодняшнему дню ухажером два года назад в магазине «Империя меха» на Подоле. Но вот меховой шапочкой она похвастать не могла. Прежний ухажер на шапочку поспешил, а два последующие кавалера пришли и ушли, так и не оставив о себе ни теплой памяти, ни теплых подарков, способных согреть зимой одинокую женскую душу. Ее волосы, подкрашенные в цвет,

близкий к рыжему или, как сами рыжеволосые предпочитают говорить, — к золотому, привлекали внимание даже ночью. Тонкий ее носик был красноват из-за легкого мороза или такого же легкого насморка. Но мы оставим здесь как причину покраснения морозец. У красивых дам не бывает насморка. Как минимум на улице и ночью.

Она остановилась на мгновение у норвежского посольства, пытаясь прочесть вывеску с указанием времени приема документов на визы. Впрочем, ей не нужна была норвежская виза. Она была из тех мечтательных особ, которые любят читать названия улиц, магазинов, кафе и ресторанов, но никак не аббревиатуры различных государственных и негосударственных учреждений.

Когда она утратила свой интерес к выдаче норвежских виз и продолжила свой путь, улицу Стрелецкую со стороны гостиницы «Рэддиссон» стал переходить моложавый и физически крепкий мужчина лет сорока. На нем была темно-синяя куртка «Коламбия», способная предохранять владельца от пятидесятиградусных морозов, джинсы и кроссовки-ботинки, делавшие его походку пружинящей и спортивной. Его взгляд фиксировал зимнюю улицу с безразличием веб-камеры. Даже шедший ему навстречу человек в шляпе и в пальто не вызывал у него никакого интереса. Но когда из-за розового «хаммера», припаркованного на самом углу улицы, вышла женщина с золотыми волосами, мужчина в шляпе остановился, и в его руках блеснула сталь.

Моложавый в куртке в два прыжка долетел до мужчины в плаще и шляпе. Женщина отбежала назад и, прижавшись спиной к стенке кафе, с открытым ртом наблюдала за происходящим. А происходящее? Происходящее почти мгновенно стало произошедшим. Между «хаммером» и стенкой углового кафе остался лежать аптекарь и заядлый грибник Эдуард Иванович Зарвазин. Рядом с ним на искрящемся от фоноварного света снегу лежал маленький перочинный ножик